тур европейских стран и прежде всего национальной литературы самой Франции, а потом и России. На театре Корнеля и Расина воспитывались деятели французского Просвещения и первой французской буржуазной революции. Робеспьер плакал, читая Расина. Революционный французский классицизм конца XVIII века опирался на художественную практику, на художественные открытия французского классицистического театра века Людовика XIV и по своему развивал и использовал их. Известно, как высоко ставил Расина Пушкин, как оценил его Герцен, посмотрев на парижской сцене. Гейне называл Корнеля и Расина «титанами», рядом с которыми Шлегели и другие немецкие романтики, ниспровергавшие классицизм, выглядели, по его мнению, «жалкими пигмеями». «Поучительно», — так сформулировал Лев Толстой свое впечатление от чтения Расина.

Не говорят ли все эти факты сами за себя? Не свидетельствуют ли они о величии искусства классицизма, о его исторической прогрессивности, о его непреходящей эстетической ценности? Эти факты говорят и о другом: о несостоятельности сурового приговора, вынесенного романтиками классицизму в полемике с его эпигонами, приговора, еще до сих пор тяготеющего над наукой. В свете всех этих фактов представляется необходимым поставить вопрос о классицизме на более широкую и твердую историческую почву, чем это делалось до сих пор. Но для этого необходимо если и не отрешиться вовсе от некоторых твердо установившихся воззрений на социальную и философскую природу классицизма, то во всяком случае пересмотреть их.

II

К числу таких представлений относится убеждение в том, что классицизм явился «своеобразным художественным эквивалентом картезианского рационализма».[1] Преимущественно из декартовского рационализма, понятого к тому же довольно превратно,[2] или по аналогии с ним и выводится тезис об идеалистической основе искусства классицизма, о его формально-логической рассудочности, абстрактности и т. п.

---

[1] История французской литературы, т. 1. Изд. АН СССР, М, 1946, стр. 345.

[2] Декарт вовсе не был таким противником эмпирического познания, как об этом обычно говорится в литературе о классицизме. Декарт не отрицал познавательного значения данных чувственного опыта, а лишь подчеркивал роль разума и необходимость метода в их систематизации и организации.